

Отшельник

Лесной овраг полого спускался к желтой Оке, по дну его бежал, прячась в травах, ручей; над оврагом — незаметно днем и трепетно по ночам — текла голубая река небес, в ней играли звезды, как золотые ерши.

По юго-восточному берегу оврага спутанно и густо разросся кустарник, в чаще его, под крутым отвесом, вырыта пещера, прикрытая дверью, искусно связанной из толстых сучьев, а перед дверью насыпана укрепленная булыжником площадка в сажень квадрата, от нее к ручью спускаются лестницей тяжелые валуны. Три молодых дерева растут перед дверью пещеры — липа, береза и клен.

Всё около пещеры сделано хозяйственно и прочно, — на долгую жизнь. И так же прочно устроена внутренность ее: бока и свод покрыты циновками из прутьев ивняка, циновки смазаны глиной, смешанной с илом ручья; налево от входа сложена небольшая печь, а в углу — аналой, покрытый, точно парчой, плотной рогожей, на аналое в железном держальце — лампадка, синеватый огонек ее колеблется, в сумраке, чуть виден.

За аналоем три черные иконы, на стенах висят связки новых лаптей, на полу лежит лыко, вкусный запах сухих трав наполняет пещеру.

Хозяин этого жилища — старик среднего роста, плотный, но весь какой-то измятый, искушенный. Лицо его, красное, точно кирпич, безобразно, левая щека разрезана от уха до подбородка глубоким шрамом, он искривил рот, придав ему выражение болезненно-насмешливое, темненькие глаза изувечены трахомой — без ресниц, с красными рубцами на месте век, волосы на голове вылезли клочьями, и на бугроватом черепе — две лысины, одна — небольшая — на макушке, другая обнажила левое ухо. Но старик подвижен и ловок, точно хорек; уродливо голые глаза его смотрят ласково; когда он смеется, увечья лица почти исчезают в мягком обилии морщин. На нем хорошая рубашка небеленого полотна, синие пестрядинные штаны, веревочные лапти, ноги до колен в заячьих шкурках вместо онуч.

Я пришел к нему веселым днем мая, и мы сразу подружились, он оставил меня ночевать, а во второе мое посещение уже рассказал мне свою жизнь.

— Я пильщик был, — сказывал он, лежа под кустом калины, сняв рубаху и грея на солнце грудь, мускулистую не по-стариковски. — Я семнадцать лет бревна резал, вот и рожу мне пила распахала. Так и звали меня — Савел Пильщик. Пилить — это, дружба, не легкая занятая: машешь-машешь руками в небо, а на роже — сетка, а над головой — бревна, и ничего не видать, и опилки на тебя сыплется — беда! А я — веселый был, игривый, турманом жил,

знаешь — голуби едят турманá: взвьется высоко в небеса, в самую невидимую глубь, свернет там крылья, головку под крыло и — бултых вниз! Многие убиваются насмерть, об крыши, об землю. Вот эдак и я. Веселый я был, безобидный, вроде блаженного какого, бабы, девки любили меня, ну — как сахар, — верное слово. Что делалось! Вспомнить радостно...

И, перекатываясь с бока на бок, он смеялся звонко, как молодой, только в горле у него немного хрипело; смеху его ладно вторил ручей. Тепло вздыхал ветер; по нежным бархатам весенней листвы скользили золотистые зайчики.

— Ну-кося, хлебнем, дружба, — предложил Савел. — Тащи ее!

Я сходил к ручью, — в нем холодилась бутылка водки, — выпили по стаканчику. Закусывая кренделем и воблой, старик с восхищением говорил:

— Хорошо это придумано — винишко!

И облизав седые, трепанные усы:

— Ладная штука! Много я ее не могу принять, а в малом качестве уважаю! Сказывают: первый водку сварил — бес. За хорошее дело и бесу спасибо...

Зажмурил глаза, умолк на минуту и вдруг воскликнул, протестуя:

— Ну, все-таки обидели меня, — в кровь обидели! Эх, дружба, до чего же люди обижать навыкли дружка дружку — даже стыдно. Щенком бездомным совесть живет промежду нас, неприятно совести! Ну, — ладно. Был я женатый,

всё как следует, жена — Натальей звали — красивая баба, мягкая. И жили мы с ней ничего, уютно, гуляла она несколько, ну — я сам человек отхожий, дома живу мало, где какая баба по-лучше, поласковее — той и пользуюсь. Дело обыкновенное, без него нельзя, а в крепкие годы ничего лучше не найдешь. Бывало, приду домой, деньжонок принесу, того-сего, а люди говорят: «Савел, завязывай жене подол, когда из дому уходишь!» Смеются, значит. Ну, я ее — для приличности — побью маленько, потом подарочек сделаю, приласкаю: «Дура, говорю, как же это ты насмех людям ставишь меня? Или я тебе неприятель али недруг какой?» Плачет, конечно. «Врут они», — говорит. Я сам знаю, что люди врать любят, ну, однако, меня не обманешь: ночь про бабу правду скажет, ночью сразу почувешь: была ли в чужих руках, али нет?

Что-то зашумело в кустах за его спиной.

— П-ш! — старик потряс рукою ветвь калины. — Ежишко тут живет, намедни ногу я наколол об него, — иду мыться к ручью, а его в траве не видно, прямо в палец всадил себе колючку.

Он, улыбаясь, посмотрел в кусты и весь взметнулся, продолжая:

— Да, дружба! Так, вот, значит, и обидели меня, да — ведь как! Была у меня дочь Таша — Татьяна. Ну, хвастать не буду, в одном слове скажу: всему свету радость — вот какая дочь! Звезда! Наряжал я ее, выйдет на улицу в праздник — божья красота! Походка ли, стан ли, глаза, — учитель наш Кузьмин — Сундук по проз-

вищу, неуклюж парень родился, так он ее неведомым именем называл, а выпивши — до слез доходил, всё упрасивал, чтоб я ее берег. Я — берег. А был я удачлив, — этого у нас не любят, — зависть была ко мне, и пустили слушок, будто я изнасилил дочь — живу с ней...

Тревожно заерзал по траве, снял с куста рубаху, надел ее и тщательно застегнул ворот. Его лицо болезненно искривилось, он плотно сжал губы, и реденькие щетинки седых его бровей опустились на обнаженные глаза. Вечерело. Становилось свежо. Где-то бил перепел:

— Подь-полоть...

Старик смотрел вниз, в овраг.

— Вот, значит, и пошло дымом дымить. Кузьмин, поп, писарь, кое-которые мужики, а особливо бабы зазвонили языками, забили во все бубны: катать-валяй, человек ошибся! Это праздничек нам, — человека травить, это мы любим. Таша плачет — на улицу выйти нельзя, мальчишки дразнят. Все рады — забава. Я говорю: уйдем, Таша...

— А жена?

— Жена? — удивленно переспросил старик. — Так она же померла! Ночью, в одночасье, охнула да и померла. Как же! Она — задолго до этого, Таше тринадцатый шел... Она была супротивна мне, нехорошая баба, неверная...

— Ты ведь хвалил ее, — напомнил я.

Это его не смутило; почесав шею, он приподнял ладонью бородку вверх и, глядя на нее, спокойно сказал:

— Так что, что хвалил? Всякий человек не всю жизнь плох, иной раз и плохой похвалы достоин. Человек — не камень, а и камень от времени меняется. Однако ты не подумай чего, — она своей смертью померла. Это от сердца она, — думать надо, — сердце у ней захлебывалось; бывало, ночью играешь с ней, а она вдруг и обомлеет, — вроде мертвая бывала. Даже страшно!

Его мягкий сиповатый голосок звучал певуче, неутомимо и родственно сливался в теплом воздухе вечера с запахом трав, вздохами ветра, шелестом листвы, тихим плеском ручья по камням. Замолчи он — и ночь будет не полна, не так красива и мила душе. Говорил Савел удивительно легко, не затрудняясь поиском слов, одевая мысли любовно, как девочка куклы. Я уже немало слышал русских краснобаев, людей, которые, опьяняясь цветистым словом, часто — почти всегда — теряют тонкую нить правды в хитром сплетении речи. Но этот плел свой рассказ так убедительно просто, с такой ясной искренностью, что я боялся перебивать его речь вопросами. Следя за игрой слов, я видел старика обладателем живых самоцветов, способных магической силою своей прикрыть грязную и преступную ложь, я знал это и все-таки поддавался колдовству его речи.

— Началось, дружба милая, это самое дело: доктора призвали, осмотрел он, бесстыжие глаза, всю Ташу подробно, а был с ним еще один хлюст, лысоватый такой, с золотыми

пуговками, следовательно, что ли, — спрашивает: кто, когда? Она молчит, ей стыдно. Заарестовали меня, отвезли в губернию, в острог. Сижу. Лысый это, говорит мне: сознайся, и будет тебе за то легкая казнь! Я ему добродушно предлагаю: «Отпусти меня, твое высочорodie, в Киев, ко святым мощам, грехи замолить!» Вот, говорит, и хорошо, сознался ты! Поймал, значит, меня, лысый кот! А я ни в чем ему и не сознавался, просто так от скуки слово бросил. Скушно было мне, непривышно в остроге-то, кругом воры, человекоубийцы и всякий дрянной народ, к тому же думается: «А что с Ташей сделают?» Больше года тянули канитель эту, потом начали судить. Гляжу — Таша тоже пришла, — в рукавичках, сапожки на ней, необыкновенно всё! Платьице голубое вроде облака, — душа насквозь светится! Весь этот суд на нее смотрит и весь народ, и знаешь, дружба, как сон всё это. А рядом с Ташей госпожа Анцыферова, помещица наша, щука-баба, хитрейшего ума! «Ох, думаю, эта меня загрызет, эта меня съест до костей...»

Он засмеялся как-то особенно добродушно.

— Сын у ней Матвей Алексеич, — я его за дурачка принимал, — скушное дитё! Белый весь, без кровинки, в очках ходил, волосы поповские, бороденка — насмех, и всё он песни да сказки в книжечку записывал. Добряга, — чего ни попроси — дает. Ну, мужики этим пользовались: тот — косу дай, этот — дров, третий — хлеба, берут кому чего надо и не надо. Я ему говорю:

«Что ты, Алексеич, раздаешь всё? Отцы, деды твои копили, наживали, шкуру драли с людей, не боясь греха, а ты — раздаешь без оправдания? Али тебе не жалко трудов человеческих?» Так, говорит, надо! Не больно умен был, ну все-таки тихой души парень. Потом его губернатор в Китай сослал, нагрубил он губернатору, а тот его — в Китай.

— Ну — суд... Оказался защитник у меня, часа два говорил, так руками и машет. Таша — тоже за меня...

— Да ты жил с ней?

Он подумал, как бы припоминая, потом равнодушно сказал, следя обнаженными глазами за полетом ястреба:

— Бывает это — живут и с дочерьми. Даже святой один с дочерьми жил, с двумя, от них тогда пророки Авраам, Исаак родились. Про себя я не скажу этого. Конечно, играл с ней; дело зимнее, ночи длинные, скушно! Особливо же скушно такому, который вертеться на земле привык, ходить туда-сюда, а я таков был. Сказки рассказывал я ей, — сказок я знаю сотни! Ну, а сказка — вещь фальшивая. И — кровь горячит. А Таша...

Он закрыл глаза и, качая головой, вздохнул:

— Красавица же она была невозможная! А я тоже до женщин невозможный, совсем безумный.

Старик весь вострепнулся и — с восхищением, с гордостью — сказал, захлебываясь словами: